

DOI 10.15826/izv2.2022.24.3.043
УДК 821.161.1“19” + 325.2 + 821.161.1’06 +
+ 821.091

М. А. Хатямова
*Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Томск, Россия*

**ДИАЛОГ С ЛИТЕРАТУРНЫМИ «ОТЦАМИ»
В ЭГО-ТЕКСТАХ ПИСАТЕЛЬНИЦ МЛАДШЕГО ПОКОЛЕНИЯ
ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ
(И. ОДОЕВЦЕВА, Г. КУЗНЕЦОВА, Н. БЕРБЕРОВА)**

В статье анализируются эго-документальные повествования писательниц младшего поколения литературы первой волны русской эмиграции, которые оказались объединены общностью личной и писательской судьбы, — И. Одоевцевой («На берегах Невы» и «На берегах Сены»), Г. Кузнецовой («Грасский дневник») и Н. Берберовой («Курсив мой: Автобиография») — в аспекте диалога с литературными предшественниками, во многом определяющего эстетическую позицию авторов и их место в литературе зарубежья.

Мемуары И. В. Одоевцевой как воспоминания участника литературной жизни Серебряного века и первой волны эмиграции служат воссозданию и сохранению эпохи в лицах наиболее ярких ее представителей, не столько поэтов, сколько неповторимых людей. Организация повествования в форме диалогов отвечает задаче непосредственного «воскрешения» ее героев в сознании будущего читателя.

Дневник / мемуар Г. Н. Кузнецовой имеет двуединую задачу: во-первых, дает эстетический срез эмигрантской жизни и близкого к Бунину круга; сохраняет в памяти потомков не только человека, но и уникального, опережающего свое время художника, драматически расходящегося со своей литературной эпохой; во-вторых, изображает сложный процесс становления и самоидентификации творческой личности в диалоге с литературными «отцами».

Н. Н. Берберова, создающая миф о себе и своих современниках по законам панэстетического творчества, включает себя в эмигрантский литературный канон с «пантеоном» литературных «первопредков» (с Ходасевичем и Буниным в центре): если не писателя первого ряда, то незаурядной, живущей в ногу со временем талантливой творческой личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мемуары; И. Одоевцева; Г. Кузнецова; Н. Берберова; литературные поколения

Ц и т и р о в а н и е: *Хатямова М. А.* Диалог с литературными «отцами» в эго-текстах писательниц младшего поколения первой волны эмиграции (И. Одоевцева, Г. Кузнецова, Н. Берберова) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 41–51. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.043>

Поступила в редакцию: 08.01.2022

Принята к печати: 24.06.2022

Marina A. Khatyamova

National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia

**DIALOGUE WITH LITERARY “FOREFATHERS”
IN THE EGO-TEXTS OF WRITERS OF THE YOUNGER GENERATION
OF THE FIRST WAVE OF EMIGRATION
(I. ODOEVTSEVA, G. KUZNETSOVA, N. BERBEROVA)**

This article analyses the ego-documentary narratives authored by writers of the younger generation of the literature of the first wave of the Russian emigration. Writers like I. Odoevtseva (*On the Banks of the Neva* and *On the Banks of the Seine*), G. Kuznetsova (*Grasse Diary*), and N. Berberova (*Italics Are Mine: Autobiography*) turned out to be united by a common personal and literary fate. They established dialogue with literary predecessors, which largely determines the aesthetic position of the authors and their place in the literature of abroad.

The memoirs of I. V. Odoevtseva, as memoirs of a participant in the literary life of the Silver Age and the first wave of emigration, make it possible to recreate and preserve the era in the faces of its most prominent representatives, not so much as poets but as unique people. The organisation of the narrative in the form of dialogues meets the task of directly “resurrecting” its characters in the mind of the future reader.

G. N. Kuznetsova’s diary/memoir has a two-pronged task: firstly, it helps form an aesthetic idea of émigré life and the circle close to Bunin. Also, in the memory of the descendants, it not only preserves a man but also a unique artist, who was ahead of his time and felt dramatically at odds with his literary era. Finally, it depicts the complex process of formation and self-identification of a creative personality in their dialogue with the literary “forefathers”.

N. N. Berberova, who creates a myth about herself and her contemporaries according to the laws of pan-aesthetic art, includes herself in the émigré literary canon with a “pantheon” of literary “ancestors” (with Khodasevich and Bunin at the centre): if not a writer of the first row, then an outstanding one, a talented creative personality keeping up with the times.

Key words: memoirs; I. Odoevtseva; G. Kuznetsova; N. Berberova; literary generations

For citation: Khatyamova, M. A. (2022). Dialog s literaturnymi “ottsami” v ego-tekstakh pisatel’nits mladshogo pokoleniia pervoi volny emigratsii (I. Odoevtseva, G. Kuznetsova, N. Berberova) [Dialogue with Literary “Forefathers” in the Ego-Texts of Writers of the Younger Generation of the First Wave of Emigration (I. Odoevtseva, G. Kuznetsova, N. Berberova)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(3), 41–51. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.043>

Submitted: 08.01.2022

Accepted: 24.06.2022

Введение

Сосуществование разных поколений в одном культурном пространстве во многом определяло литературную жизнь и эстетические поиски первой эмиграции. Молодые писательницы — И. Одоевцева, Н. Берберова и Г. Кузнецова, оставившие потомкам книги о времени и о себе («На берегах Невы» и «На берегах Сены», «Курсив мой: автобиография», «Грасский дневник»), были объединены и обстоятельствами поколенческой судьбы. О. Р. Демидова в статье «Писательницы русской эмиграции: дважды другие» справедливо пишет:

Все трое родились на рубеже столетий и принадлежали к одному кругу с единым для него ценностным комплексом и к тому поколению, что с детства дышало воздухом русского Серебряного века, в юности пережило крах привычной жизни и трагедию гражданской войны, после чего оказалось в изгнании. Все трое после обычных скитаний по Европе в первые эмигрантские годы прожили межвоенные десятилетия во Франции и объективно принадлежали к писательскому сообществу признанной эмигрантской столицы — Парижа. И даже свой путь в литературе все трое начинали в соответствии с вполне традиционной для женщин-авторов и будто бы существенно облегчающей дело формулой: под «крылом» известного автора-мужчины как его признанные ученицы, подруги, спутницы жизни, в известном смысле — Музы... [Демидова, 2015, с. 194–195]¹.

Исследователь заключает, что «механизмы, на которые опиралась каждая из них, выстраивая свой писательский (авто)образ, были различны»: мемуары для Одоевцевой становятся адекватной формой для обозначения позиции «хранителя и транслятора информации», а потом уже творческой личности, находящейся в тени своего гениального мужа; автобиография для Берберовой — это способ познания себя, своей экзистенциальной независимости, когда творчество — не абсолютная ценность, а лишь «один из возможных путей к индивидуальному освобождению, необходимому для жизни»; дневник Г. Кузнецовой раскрывает стремление «вечно ведомой» грасской Лауры обрести «собственный свободный голос» [Демидова, 2015, с. 195].

Гендерные роли во многом задавали и восприятие произведений молодых писательниц критикой. Так сложились до сих пор препятствующие изучению стереотипные оценки их творчества; только начинают появляться отдельные работы о прозе Г. Кузнецовой, Н. Берберовой [Леденев; Хатямова], почти не исследована Одоевцева², как поэты они современной наукой еще не осмыслены³. Важным

¹ На фоне мемуарно-исследовательских произведений других молодых писательниц (Н. В. Кодрянской, Н. В. Резниковой — о А. М. Ремизове, З. А. Шаховской — о Набокове) автометаписательность итоговых книг избранных авторов выглядит еще определеннее.

² Несмотря на то, что в общем потоке мемуарной литературы первой волны произведения избранных писательниц занимают свое законное место, собственно их эго-текстам, помимо исследований О. Р. Демидовой, посвящено лишь несколько работ [Матвеева; Кузнецова, 2011; Винокурова; Хатямова, с. 77–100].

³ Не может не обращать на себя внимание тот факт, что современная молодым писательницам критика (Г. Адамович, Ю. Айхенвальд, В. Ходасевич, П. Пильский, К. Мочульский и др.), оставившая первые отзывы на их произведения, до сих пор является главным источником изучения их творчества.

является тот факт, что большое место в их эго-текстах отведено изображению старшего поколения эмигрантов; и знаменательно (особенно в случае с Берберовой и Одоевцевой), что в центре этого поколения оказывается Бунин. Диалог с предшественниками в итоговых книгах может многое рассказать об эстетическом самоопределении авторов и их поколения в целом, а возможно, и разрушить некоторые штампы в восприятии их личности и творчества.

Воспоминания о «старших» в мемуарах И. Одоевцевой

И. В. Одоевцева (которая по возрасту и литературной известности в России, т. е. в эмигрантской писательской «табели о рангах» была старшей среди молодых писательниц) формулирует задачу своих мемуаров в Предисловии к книге «На берегах Невы»: «Я пишу не о себе и не для себя, а о тех, кого мне было дано узнать <...> Я только глаза, видевшие их, только уши, слышавшие их. <...> Я только живая память о них <...> Я пишу эти воспоминания с тайной надеждой, что вы, мои читатели, полюбите их, воскресите их в своей памяти и в сердцах» [Одоевцева, 1989а, с. 11–13]. В послесловии к книге «На берегах Сены» есть важное замечание, уточняющее сам способ сохранения своих героев от небытия — «оживить индивидуальные личности в житейской обстановке»⁴. Это дает возможность воспринимать финальное примечание автора как ключ к написанному: «сохранить» известных людей «в житейской обстановке». Персонажи Одоевцевой не столько писатели, сколько сложные, эксцентричные люди, с которыми ее свела судьба, и секреты которых ей доверено хранить; описываются конкретные встречи, с почти романскими диалогами, неожиданными бытовыми уточнениями и деталями, по-новому раскрывающими малоизвестную сторону личности. Не выдерживается и установка «не писать о себе», особенно в первой книге — «На берегах Невы», в которой воспоминания о выдающихся поэтах (Блоке, Гумилеве, Мандельштаме, А. Белом и др.) напоминают почти импрессионистические зарисовки, «впечатления» автора о своих героях и, попутно, изображения всей гаммы переживаемых по поводу встреч с ними чувств⁵. Несмотря на обилие (не всегда точных) поэтических цитат не только знаменитых современников, но и собственных, служащих в книге «На берегах

⁴ Ср.: «В этой книге... я не говорю (за исключением Поплавского) о так называемых молодых писателях, т. е. о тех поэтах и прозаиках, что начали писать уже за пределами родины <...> Если Бог даст мне силы осуществить мое желание, я постараюсь оживить перед будущим читателем этих рано ушедших поэтов, обрисовав их индивидуальные личности в житейской обстановке» [Одоевцева, 1989б, с. 332]. Однако это странное уточнение, так как не только Б. Поплавский, но и С. Шаршун, Ю. Терапиано, Я. Горбов, наравне со старшими (Мережковскими, Тэффи, Доном Аминадо, Г. Адамовичем, Г. Ивановым, Ю. Анненковым, Б. Зайцевым, К. Бальмонтом, И. Буниным, М. Цветаевой), становятся героями мемуаров, а книга посвящена Ю. Терапиано.

⁵ Ср. о Блоке: «В Блоке же все — и внешне и внутренне — было прекрасно. Он казался мне полубогом. Я при виде его испытывала что-то близкое к священному трепету. Мне казалось, что он окружен невидимым сиянием и что, если вдруг погаснет электричество, он будет светиться в темноте. Он казался мне не только высшим проявлением поэзии, но и самой поэзией, принявшей человеческий образ и подобие» [Одоевцева, 1989а, с. 165].

Невы» скорее изображению внутреннего состояния автора, творческая самобытность ее героев не становится предметом исследования мемуаристки-писательницы. Например, воспоминания о Г. Адамовиче почти полностью заслоняются историей о поездке в Монте-Карло, в результате чего ведущий критик эмиграции и талантливый поэт предстает страстным, зависимым игроком. Одоевцева как будто выполняет его собственный наказ защищать его после смерти «от превеличенной хвалы и хулы», «без дифирамбов излишних» [Одоевцева, 1989б, с. 127], но видит свою миссию лишь в развенчании обывательских мифов о поэте. Вне поля зрения остается вся творческая жизнь Адамовича (то, что он писал, по его собственному признанию, «для вечности»). Его разговоры о литературе подаются в сниженно-бытовом ключе:

И вот уже разговор, переменив направление, катится по вполне безопасным рельсам, лицо Адамовича светлеет, и он с удовольствием вспоминает о жажде Гумилева, Кузмина и Сологуба посмертной славы, иллюстрируя все это забавными анекдотами. Ведь он больше всего любит интимные экскурсии в прошлое, когда он, не боясь разглашения, позволяет себе «раздавать всем сестрам по серьгам», живым и усопшим. Со мной он в этом отношении вполне спокоен. Все это оставалось между нами. Но сам себя он опасался.

— Продает меня проклятый язык! Не могу удержаться. И сколько я себе этим зла принес [Там же, с. 128].

Автор мемуаров скорее подчеркивает собственную роль в судьбе своего героя, нежели стремится осмыслить неповторимость личности Адамовича (это тем более странно, если помнить о том, что это ближайший друг ее мужа и ее собственный, с которым им приходилось делить и общий кров).

Показательными в этой связи являются и воспоминания о Г. Иванове («На берегах Сены»). Одоевцева называет его «самым замечательным» и «таинственным» («от четвертого измерения») среди встреченных ею людей, однако не задается вопросом о сущности его дара, почему именно этот поэт окажется на вершине эмигрантской поэзии. Значительный по объему (в 36 страниц) материал содержит сведения о детстве Г. Иванова, определившем его «детскость», их знакомство, некоторые внешние события жизни и вскользь сделанные замечания о музыкальности, бессистемности и нежелании отделять, работать над своими стихами, а также непонимание Ивановым своего места в русской поэзии. Не рефлексировалось и влияние поэта на монпарнасцев (а оно, как известно, было велико), как и на саму Одоевцеву. Даже финальный период жизни и конец Г. Иванова в интерпретации Одоевцевой теряет свой трагический смысл: автор мемуаров перечисляет внешние, бытовые обстоятельства их совместной жизни и цитирует «Отчаянье я превратил в игру» и «размахайчика», завершая сюжет горькой самоиронией поэта.

Самая большая часть посвящена И. А. Бунину (77 страниц). Для Одоевцевой, возможно, это интереснейшая амбивалентная личность: капризный, не думающий о людях эгоист и одновременно одаренный, тонко чувствующий,

магически действующий на окружающих человек. Автор мемуаров пересказывает свои встречи с Буниным, воссоздает его мнения и оценки не только истории, жизни в России, природы, своего детства, любви, но и искусства, своих и чужих произведений, классиков. В бунинской части есть определенный баланс человеческого и писательского, и второе органично вытекает из первого. Причем равновесие личностного и творческого создается помещением бунинских рассказов, по принципу текстов в тексте, в авторский текст (составленный как «вопросы — ответы»). Бунин-рассказчик достаточно обстоятельно и разнообразно проговаривает свои представления о жизни, любви, смерти и искусстве, а автор мемуаров все-таки занят сохранением «живого Бунина»:

Нет, я не надеюсь показать «живого Бунина». Это вряд ли кому удастся — слишком уж он многогранен, не укладывается ни в какие рамки, не поддается измерению. Но, может быть, все эти страницы о нем помогут хоть смутно, как сквозь туман, увидеть его, услышать его голос, на минуту почувствовать его присутствие тем, кому не было дано встретиться с Буниным [Одоевцева, 1989б, с. 268].

Итак, мемуары И. В. Одоевцевой — это воспоминания участника литературного быта, стремящегося эмпирически воссоздать и сохранить литературную эпоху в лицах наиболее ярких ее представителей. Однако повествование воскрешает не столько поэтов, сколько неповторимых людей, откровения и умолчания в нем — конкретно-бытовые, здесь не проявляется позиция писателя, который бы осмысливал дар другого творца. Лежащая в основе повествования форма диалогов (сохраняемых в памяти автора от 30 до 50 лет!) необходима для того, чтобы «с глазу на глаз видеть и слушать гения» [Одоевцева, 1989а, с. 221], остановить прекрасное мгновение общения с ним.

Эстетический диалог с поколением «отцов» в дневнике Г. Кузнецовой

В «Грасском дневнике» Г. Кузнецовой обнаруживается прямо противоположная эстетическая установка (хотя жанр дневника как фиксатора повседневного жизненного потока и не требует этого). Произведение Кузнецовой, составленное автором более чем через четверть века из реального дневника, метажанрово. Как показывают последние исследования, от восприятия, заданного самим автором в небольшом предисловии как «памятника Бунину», исследователи пришли к пониманию его мемуарной и авторефлексивной природы [Демидова, 2009; Ван Инь]. В последней работе было замечено, что на становление молодой писательницы оказывали влияние не только Бунин, но и гости виллы Бельведер, о встречах с которыми повествуется в не лишенном художественности эго-документе.

Важно обратить внимание на модус этих мемуарных вкраплений: автор изображает в первую очередь творческое поведение именитых гостей (Б. Зайцева, И. Фондаминского, М. Алданова, Д. Мережковского и З. Гиппиус, В. Ходасевича и др.); передает (записанные в свое время в дневнике) разговоры о чтении, событиях литературной жизни, эстетических представлениях, оценках, мнениях

и т. п. Поэтому жизненно-бытовые детали редуцированы, носят вспомогательный характер, так как в перспективе большой истории окажутся неважны, ведь задача Кузнецовой — дать эстетический срез эмигрантской жизни и близкого к Бунину круга; не только оставить в памяти потомков Бунина как человека сложного, противоречивого, эксцентричного, порой тяжелого, но главным образом как выдающегося писателя, во многом опережавшего свое время, а потому одинокого, творчески расходящегося со своей (большей частью модернистской) эпохой. В этом контексте может быть переосмыслен и фактор «умолчаний», касающихся взаимоотношений с Буниным и домочадцами Бельведера: для Кузнецовой сюжет личных отношений становится избыточным, ибо не об этом ее книга. А источник личной любовной драмы ей видится в вечной проблеме поколений: «...Нельзя всю жизнь чувствовать себя младшим, нельзя быть среди людей, у которых другой опыт, другие потребности в силу возраста. Иначе это создает психологию преждевременного утомления и вместе с тем лишает характера, самостоятельности, всего того, что делает писателя» (запись от 25 июня 1930 года) [Кузнецова, 1995, с. 147].

Сюжет поколений будет семантически разветвляться в книге Кузнецовой в разных направлениях: от размышлений об изменившихся ценностях и образе жизни ее ровесников (общественная работа и «народ» перестали их волновать)⁶ — до несовпадающих представлений о творчестве, оценках появляющихся авторов и произведений, особенно европейских. Причем ее собственное понимание необходимости эмансипации от старших подкрепляется и их высказываниями на эту тему (И. И. Фондаминского⁷, Веры Николаевны⁸). Однако она вполне разделяет со своим учителем представление о продуктивности дневника как формы, способной схватить саму жизнь, цитирует Бунина на эту тему («нет ничего лучше дневника <...> Тут жизнь как она есть... в ней всего

⁶ См. запись от 11 июля 1929 г.:

Вчера В. Н. опять ездила к Гишпиус. А мы работали. Написана новая очень интересная глава: вхождение молодого Арсеньева в революционную среду и описание этой среды, блестяще-беспощадное. С этих пор «Жизнь Арсеньева» собственно перестает быть романом одной жизни, «интимной» повестью и делается картиной жизни России вообще, расширяется до пределов картины национальной. За завтраком И. А. прочел нам эту главу вслух. Мы говорили о том, что скажет Вишняк и даже Илюша. Во всяком случае, это блестяще и во многом вполне верно. Замечательно, как изменились с тех пор русские люди. Наше поколение (вспоминаю Киев, войну, университет в Праге) занималось другим. Конечно, пелись еще при случае те же песни, но неуверенно и вообще потерявши для нас всякий прежний смысл. А в Праге уже больше занимались спортом да учением, если не романами. О «народе» никто никогда не думал и «революционной среды» никакой не было. Мне все больше хочется написать роман нашего поколения [Кузнецова, 1995, с. 116].

⁷ Разговор с И. И. Фондаминским передается в записи от 30 мая 1929 г.:

Ведь это подумать страшно — такой слабый мотылек в огромном чужом мире! <...> Конечно, И. А. не хочет вашей самостоятельности. Он как солнце, а разве солнце переносит еще какой-нибудь свет? Но вы должны думать о себе и помнить, что, когда у вас будет независимость, вся ваша психика изменится, и вы найдете в себе смелость, которой в вас пока нет, и найдете тему, которой пока не можете найти. У вас прекрасный талант — вы должны развивать его [Там же, с. 107].

⁸ См. запись от 8 января 1930 г.:

В. Н. вчера сидела со мной в темноте, при горячей печке, и говорила, что очень рада. Что у нас живет З., что он внес в дом оживленность, молодость и влияет на меня в этом смысле, а то я чересчур поддаюсь влиянию И. А., живу вредно для себя, не по летам [Там же, с. 127].

намешано...»; «надо кроме наблюдений о жизни записывать цвет листьев, воспоминание о какой-то полевой станции, где был в детстве, пришедший в голову рассказ, стихи... такой дневник есть нечто вечное» [Кузнецова, 1995, с. 115]), а позже сделает свой дневник универсальным метатекстом. Не писавшийся параллельно «Жизни Арсеньева» ее роман «Пролог», а «Грасский дневник» (помимо очень важных культуросохраняющей и авторефлексивной задач) станет книгой о рождении писателя. Поэтому Кузнецова собирает его из своих реальных дневников по эстетическим законам Серебряного века, исповедуемым и Буниным, — «творчество прежде всего». Это тем более неожиданно, что именно Кузнецова из трех избранных авторов уйдет из литературы и вторую половину жизни будет заниматься журналистикой и переводами. Возможно, последнее случится не из-за творческой несамостоятельности или личностной ведомости (как считают критики), а из-за несовпадения с эстетическими исканиями своего поколения (оказалась между литературоцентричными Набоковым и Газдановым, с одной стороны, и пишущими «человеческий документ» монпарнасцами — с другой). Не случайно Лидии Червинской ее проза напомнила «что-то знакомо-хорошее, что-то обще-русское в литературе» — писательскую манеру Тургенева, Чехова, Бунина [Червинская], а именно — близость к традиции русской лирической прозы, способность, по собственному признанию Кузнецовой, «рисовать стихами»:

Чувствую, что избрала себе самый трудный и неблагоприятный путь. В моем, лирическом, восприятии мира нет ни иронической гримасы Ходасевичей, ни «любобной презрительности», столь модной теперь. Моя простота никого не пленит, никого не отравит, а многим будет и скучна. Но что же делать? Ведь то, что я делаю, моя сущность (запись от 8 сентября 1927 г.) [Кузнецова, 1995, с. 41].

И на этом пути человеческий и творческий «маяк» Бунина станет определяющим.

Мифы о литературных «отцах» в автобиографии Н. Берберовой

Н. Н. Берберова в автобиографии «Курсив мой» творит миф о себе как сильной личности, «железной женщине» [Матвеева; Демидова, 2015]. Анализ ее эго-документа в контексте биографий Чайковского, Бородина, Блока, баронессы Будберг позволяет квалифицировать этот миф как панэстетический: несмотря на настойчивые высказывания Берберовой о примате жизни над искусством и факта над вымыслом, все ее биографическое творчество литературоцентрично. Жизнеподобные документальные формы наполнялись, «строились» Берберовой по законам творчества, впитанного в юности: по законам мифа, литературности Серебряного века [Хатямова].

Несмотря на то, что задачи «Курсива» представлялись исключительно личностными — письмо как индивидуальное освобождение, обращает на себя внимание тот факт, что примат живой жизни утверждается эстетическими

образами: в коротком отрывке⁹ есть отсылки сразу к двум главным стратегиям предшествующей эпохи — символистской («страшный мир») и акмеистской (не для «читателя-друга»). Кроме того, жесткая структура книги: от «гнезда» семьи и «муравьиной кучи» культурного окружения — к самоопределению в петербургском литературном пространстве и встрече с Ходасевичем; затем эмиграция, с «пантеоном» теперь уже литературных «первопредков» (А. Белый, Мережковские, Бунин, Ремизов, Зайцевы, П. Муратов и др.), далее — к характеристике не только жизни, но и творческих установок «второго», своего, поколения, и собственных эстетических поисков, публикация своих дневников военного времени («Черная тетрадь») и, в завершение, — последний, американский период «не ожидающей Годо» как новое движение — буквально по разделам прочерчивает логику пути творческой личности и рефлексии этого пути.

Как «диалог с Ходасевичем», длившийся, по признанию автора, 17 лет и не ставший прошлым (что свидетельствует о беспрецедентной роли не только мужа, но и поэта старшего поколения в формировании Берберовой-писательницы), так и взаимодействие с другими литературными «отцами», стремление создавать мифы о них; по принципу притяжения / отталкивания самоопределяться в его же выстроенном мифологическом пространстве, выдают писателя (только Горький попадает в противоположную парадигму: не писательство, а «полубезумный восторг делания» усваивает от него автор). Опуская конкретное наполнение мифов о «старших» (они хорошо известны и были остро негативно восприняты живыми современниками, читавшими «Курсив» по законам документа), следует отметить концептуальность названия посвященной им главы — «Соль земли», которая завершается Набоковым как оправданием поколения молодых. Центральной же фигурой этого литературного пантеона станет, как ни странно, Бунин, если иметь в виду почти сатирический модус повествования о нем как эгоцентричном, чванливом, несовременном и грубом человеке. Однако сам посвященный ему постраничный объем (больше написано только о Ходасевиче), как и выстраивание воспоминаний о других литературных «отцах» в сравнении с Буниным, а главное — помещение в конце десяти его писем разных лет к автору, в том числе с положительными отзывами на произведения последнего, явно диссонирует с написанным выше и создает обратную перспективу: гений всегда разный, а душа его — тайна. Так «Курсив» открывает свое «двойное дно». Пытаясь смягчить жесткость собственных суждений о Бунине-человеке, Берберова противопоставляет Бунина-художника

⁹ Ср.:

Мне хотелось писать, я искала все возможные пути индивидуального освобождения, но я никогда не могла жертвовать минутой живой жизни ради строчки написанного, равновесием ради рукописи, бурей внутри меня — ради мелодии стихов. Для этого я слишком любила самое жизнь. Я хотела быть, во-первых, человеком, во-вторых, образованным человеком, в-третьих, современным образованным человеком, в-четвертых, современным образованным человеком в гармонии с собой и в гармонии с дисгармонией страшного мира. И только в-пятых, я хотела писать — не для читателя-друга, а для очищения себя, если успею познать себя перед тем, как только умереть [Берберова, с. 285].

«пошлым реалистам» начала века (Амфитеатрову, Арцыбашеву, Вересаеву, Ал. Н. Толстому, Горькому) по законам панэстетизма («Никогда чувство вкуса не изменяло ему»). Признаваясь, что отношения с Буниным в разное время развивались неровно, Берберова включает в повествование именно те письма Бунина, в которых преобладает дружественная теплота и внимательное участие старшего мастера к начинающему, присутствуют высокие оценки ее письма. Поэтому сколько бы она позже ни говорила о влиянии русского (Блок, Гумилев, Ходасевич) и западноевропейского (Пруст, Джойс, Лоуренс) модернизма на формирование своего поколения и себя как прозаика, видимо, в период наступающей творческой зрелости второй половины 1930-х гг. (создания повестей сборника «Облегчение участи») ей нужно было не только освободиться от традиции «толстоевского», но и эксплицировать в своем творчестве бунинский пласт. В результате авторитет Бунина-писателя оказывается для автора эго-документа более значимым, нежели его человеческий облик, с которого начиналось повествование.

Заключение

Итак, «внеэстетический» диалог со старшими в книге И. Одоевцевой подтверждает ее роль «настоящего, даровитого слушателя» (А. Белый) — хранительницы ушедшей культуры. Дневник / мемуар Г. Кузнецовой выполняет двойное задание: с одной стороны, фиксирует эстетические ориентиры не склонного к теоретизированию Бунина и его гостей, в основном, литературных «отцов»; с другой — воссоздает становление молодого писателя, осознающего и творческую близость с учителем, и конфликт поколений и индивидуальностей, — и тогда дневник становится способом осмысления своего пути в литературе. Н. Берберова, создающая свои мифы о современниках в «равном диалоге» (О. Демидова) с ними, включает и себя в эмигрантский литературный канон если не писателя первого ряда, то незаурядной, живущей в ногу со временем (т. е. современной, способной меняться) — и что особенно важно — талантливой творческой личности.

Источники

- Берберова Н. Н.* Курсив мой: Автобиография. М.: АСТ: Астрель, 2011.
Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М.: Моск. рабочий, 1995.
Одоевцева И. В. На берегах Невы. М.: Худож. литература, 1989а.
Одоевцева И. В. На берегах Сены. М.: Худож. литература, 1989б.

Исследования

- Ван Инь.* «Грасский дневник» Г. Н. Кузнецовой: проблема становления творческой личности: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2018.
Винокурова И. «Кого выбрать примером? У кого мне учиться?..» Нина Берберова и Симона де Бовуар // Вопросы литературы. 2012. Март-апрель. С. 295–335.

- Демидова О. Р. Писательницы русской эмиграции: дважды другие // Демидова О. Р. Изгнание как послание: эстетизм и этос русской эмиграции. СПб. : Русская культура, 2015. С. 194–207.
- Демидова О. Р. Дневник как пространство умолчания // Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. М. : АСТ, 2009. С. 5–24.
- Кузнецова А. А. Ее «Курсив...» // Берберова Н. Н. Курсив мой : автобиография. М. : АСТ : Астрель, 2011. С. 7–18.
- Леденев А. В. Оливковый сад и уксусный куст: проза Г. Кузнецовой // Адам и Ева : альманах гендерной истории. № 15. 2008. С. 327–329.
- Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008.
- Хатямова М. А. Проза Н. Н. Берберовой: литературность человеческого документа. Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2015.
- Червинская Л. [Рец.:] Г. Кузнецова. Сборник рассказов «Утро» // Числа. 1930. № 2–3. С. 253–254.

References

- Chervinskaya, L. (1930). [Review of:] G. Kuznetsova. Sbornik rasskazov “Utro” [Morning, a Collection of Stories]. *Chisla*, 2–3, 253–254.
- Demidova, O. R. (2009). Dnevnik kak prostranstvo umolchaniia [A Diary as a Space for Omission]. In G. Kuznetsova, *Grasskii dnevnik* [Grasse Diary] (pp. 5–24). Moscow: AST.
- Demidova, O. R. (2015). Pisatel’ nitsy russkoi emigratsii: dvazhdy drugie [Writers of the Russian Emigration: Twice Different]. In O. R. Demidova, *Izgnanie kak poslanje: estezis i etos russkoi emigratsii* [Exile as a Message: The Esthesis and Ethos of the Russian Emigration] (pp. 194–207). St Petersburg: Russkaia kultura.
- Khatyamova, M. A. (2015). *Proza N. N. Berberovoi: literaturnost’ chelovecheskogo dokumenta* [Prose by N. N. Berberova: The Literary Character of a Human Document]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Press.
- Kuznetsova, A. A. (2011). Ее “Kursiv...” [Her *Italics*...]. In N. N. Berberova, *Kursiv moi: avtobiografiia* [Italics Are Mine: Autobiography] (pp. 7–18). Moscow: AST: Astrel.
- Ledenev, A. V. (2008). Olivkovyi sad i uksusnyi kust: proza G. Kuznetsovoi [Olive Garden and Vinegar Bush: Prose by G. Kuznetsova]. *Adam i Eva: al’manakh gendernoi istorii*, 15, 327–329.
- Matveeva, Yu. V. (2008). Samosoznaniie pokoleniia v tvorchestve pisatelei-emigrantov [Self-Awareness of a Generation in the Works of Young Émigré Writers]. Ekaterinburg: Ural University Press.
- Van, In’ (2018). *Grasskii dnevnik G. Kuznetsovoi: problema stanovleniia tvorcheskoi lichnosti* [Grasse Diary by G. N. Kuznetsova: The Problem of the Formation of a Creative Personality] (doctoral dissertation). MSU, Moscow.
- Vinokurova, I. (2012, March-April). “Kogo vybrat’ primerom? U kogo mne uchit’sia?..” Nina Berberova i Simona de Bovuar [“Who should I choose as an example? Who should I learn from?..” Nina Berberova and Simone de Beauvoir]. *Voprosy literatury*, 295–335.

Хатямова Марина Альбертовна

доктор филологических наук, профессор
кафедры истории русской литературы
XX века
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
634050, Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: Khatyamovama@mail.ru

Khatyamova, Marina Albertovna

Dr. Hab. (Philology), Associate Professor
Department of 20th-Century Russian
Literature
National Research Tomsk State University
36, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russia
Email: Khatyamovama@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4373-4461>